

Абалихин Б.С. О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 года
// Вопросы истории. 1985. №2. С.64-79.

OCR, корректура: Бахурин Юрий (a.k.a. Sonnenmensch), e-mail: georgi21@inbox.ru

12 апреля 1853 г. Ф. Энгельс писал И. Вейдемейеру: «Для ближайшего будущего, то есть для нас, русская кампания 1812 года является самой важной, она единственная, где остаются еще не решенными крупные стратегические вопросы»{1}. За 130 лет, прошедшие с момента написания этих слов, положение в изучении Отечественной войны 1812 г. изменилось коренным образом, создано немало оригинальных исследований, освещающих различные аспекты «грозы двенадцатого года», разгадана не одна тайна наполеоновской дипломатии и стратегии. Но ряд вопросов еще нуждается в дальнейшем изучении. К их числу относится и стратегический план Наполеона при отходе из Москвы: куда намеревался вести свою армию французский император в начале октября 1812 г., что думал предпринять в дальнейшем? Над этим вопросом размышляли еще сами участники борьбы с «двунадесятыязычной» армией, для которых он имел практическое значение. И уже тогда выявились расхождения в понимании стратегического замысла Наполеона. 18 октября генерал-губернатор Москвы Ф.В. Ростопчин писал М.С. Воронцову: «Я в превеликом страхе на счет хода неприятельского и дрожу, чтобы он не... очутился в Калуге, откуда ему удобно будет неразрешенными местами пройти до Волыни, избегая встречи с Чичаговым»{2}. Иной точки зрения придерживался только что смещенный М.И. Кутузовым с поста начальника Главного штаба Л.Л. Беннигсен. 9 ноября неизвестному адресату он писал: «Уверяли, будто Наполеон хотел пробиться сквозь нашу армию, чтобы овладеть Калужской дорогой, перейти Оку и двинуться через Малороссию, Подольскую или Волынскую губернии словом, это была страшнейшая чепуха». Беннигсен считал, что Наполеон шел на Калугу с целью «удалить нас (т. е. русскую армию. Б.А.) от его коммуникационной линии, чтобы замаскировать свое отступление и прикрыть транспорты». Касаясь приказа Наполеона о строительстве новой военной дороги от Смоленска до Калуги, Беннигсен заключал: «Он предполагал воспользоваться этой военной дорогой для отступления к Смоленску»{3}.

В публицистических и исторических сочинениях первых после войны лет преобладала точка зрения Ф.В. Ростопчина. Так, А.М. Безобразов считал, что Наполеон «хотел быстрым и нечаянным движением предупредить нас, или сокрыть прямую свою цель, угрожая вдруг прорваться у Малоярославца в южные провинции». В движении французской армии на Калугу автор видел далеко идущий план Наполеона: «Тогда при отступлении своем через сии плодороднейшие страны России -64- , по крайней мере, вознаградил бы он претерпенную им в Москве потерю свою, приобретая новые способы к продовольствию своих армий и угрожая России с Юга новой опасностью»{4}. Автор первого крупного исторического сочинения о войне 1812 г. Я. Тихонов также полагал, что «неприятель старался обойти Главную русскую армию и пройти к Калуге, дабы вторгнуться в хлебобордные и изобильные губернии»{5}. Двойственную позицию по этому вопросу занял участник Отечественной войны подполковник Д.И. Ахшарумов. По его мнению, Наполеон стремился разорить Калугу «и потом продолжать следовать или к Смоленску или Витебску свежими дорогами», но мог также «обратиться на опустошение южных губерний»{6}. Ни та, ни другая точка зрения документами не

подтверждалась. Авторы ограничивались общими рассуждениями о выгоде того или иного направления.

Вопрос широко освещался в зарубежной литературе 20-30-х годов XIX в., но и здесь не было единого мнения. Г. Жомини, которого Ф. Энгельс называл «лучшим историком наполеоновских походов», считал, что французский император вел свою армию на Калугу, с тем чтобы прорваться на Украину, перезимовать, а весной 1813 г. возобновить борьбу с Россией. Автор основывался на документах Главного штаба французской армии и самого Наполеона{7}. Статс-секретарь Наполеона А. Фэн, напротив, заявлял, что, покинув Москву, французская армия должна была захватить Калугу, а затем повернуть на Смоленск, отойти в междуречье Западной Двины и Днепра. Фэн ссылался на письмо Наполеона, якобы посланное 4 (16) октября министру иностранных дел Франции Г.-Б. Маре (герцогу де Бассано) в Вильно. Так как этот документ важен для решения вопроса, процитируем его: «За несколько дней уведомлял я вас о намерении моем стать на зимние квартиры между Днепром и Двиною. Теперь настало к тому время. Армия выступает; 19-го я выхожу из Москвы по Калужской дороге. Если неприятель вздумает защищать Калугу, я его разобью; потом, смотря по погоде, или сделаю поиск на Тулу, или пойду прямо в Вязьму. Во всяком случае, в начале ноября я поставлю армию на пространстве между Смоленском, Могилевом, Минском и Витебском. Решаюсь на это движение потому, что Москва не представляет больше военной позиции. Иду искать другой позиции, откуда выгодней будет начать новый поход, действие которого направлю на Петербург или Киев»{8}.

Может показаться, что перед нами подлинный план действий французской армии на конец 1812-начало 1813 года. В действительности же дело обстоит сложнее. Во-первых, хорошо известно, что Наполеон часто прибегал к дезинформации противника. Во-вторых, очень сомнительно, чтобы он отправил подробный план действий за тысячу верст в Вильно, зная, что на каждой версте его курьера вместе с планом могут захватить русские партизаны. Но главное — Наполеон никогда такого письма не писал. В этом можно убедиться, если сравнить цитированное «письмо» с похожим, но имеющим принципиальные отличия документом, опубликованным в 1868 г. в 24-м томе «Переписки Наполеона». Вот его наиболее важная часть: «Его величество, отправив раненых и больных (числом 2-3 тыс.) в Смоленск, собрался выступить из Москвы 19-го и двинуться на Калугу, разбить неприятельскую армию, если она, как объявляют, захочет защищать эту большую крепость, и, в зависимости от погоды, пойти на Тулу или на Брянск или вернуться обратно в Смоленск, если погода станет суровой. Император — 65- думает, что в первые недели ноября он расположит свои зимние квартиры между Смоленском, Минском и Могилевом. Он решил сделать это движение, потому что Москва, которая перестала существовать, не является хорошей позицией».

Составители комментария к «Переписке Наполеона» подчеркивают, что этот документ не принадлежит перу Наполеона, а является инструкцией Маре французскому посланнику в Вене Отто. Структура документа полностью подтверждает эту характеристику: он состоит из двух частей: письмо Наполеона Маре от 4 (16) октября с требованием подготовить общественное мнение союзных стран к отступлению французской армии из Москвы, а ниже сообщение, составленное французским министром. Текст его взят в кавычки и подписан «Герцог де Бассано. Вильна, 26 октября 1812 г.»{9}. Таким образом, документ, принятый Фэном за письмо Наполеона, таковым не является. Он был написан Маре и разослан по

европейским столицам с целью дезинформировать правительства и общественность подвластных Наполеону стран о планах французского императора.

В 1835 г. в книге «Поход 1812 года в Россию» известный немецкий военный историк К. Клаузевиц утверждал, что наступление Наполеона на Калугу велось с ограниченной целью потеснить русскую армию, чтобы затем спокойно отходить на Смоленск. «Отступающий в неприятельской стране, пояснял Клаузевиц, как общее правило, нуждается в заранее подготовленной дороге». Такой дорогой, по его мнению, могла быть только Большая Смоленская дорога, т. к. она была «обеспечена соответствующими гарнизонами», на ней были «устроены необходимые армии магазины». Клаузевиц высмеивал тех историков, которые, по его словам, «так упорно отстаивают мысль, будто Наполеону следовало избрать для своего обратного пути другую дорогу, а не ту, по которой он прошел»{10}. Свое мнение Клаузевиц не подкреплял фактами и документами, а оно небесспорно. Прежде всего непонятно, для чего Наполеону нужно было ввязываться в сражение с армией Кутузова, если он мог из Москвы пойти кратчайшим путем на Смоленск. В этом случае французы действительно на несколько переходов оторвались бы от русской армии.

Утверждение Клаузевица о «подготовленности» Смоленской дороги не соответствует действительности. Главный интендант «Большой армии» генерал Л. де Пюибюск писал, что ему не удалось создать в Смоленске и в других городах запасов провианта. «Я могу сказать смело, заявлял он, что и Робинзон на необитаемом своем острове гораздо более нашел пособий, нежели наша армия в Смоленске»{11}. О том, что Наполеону не удалось создать на Смоленской дороге необходимых запасов, знал Кутузов. 7 ноября фельдмаршал докладывал Александру I: «Должно было заставить его (Наполеона. Б. А.) идти по Смоленской дороге, на которой (как нам известно было) он не приготавливал никакого пропитания»{12}. Теоретические предположения Клаузевица опровергла действительность: отброшенная от Малоярославца, зажата со всех сторон русскими войсками, французская армия, отступая по Смоленской дороге, испытывала острую нехватку продовольствия.

В дальнейшем мнение Фэна и Клаузевица разделяли многие историки{13}. Иногда движение французов на Калугу объясняют тем, что Наполеон -66- хотел овладеть калужскими запасами, «значительно улучшить положение своей армии», чтобы затем «безопасно продолжать отступление на Смоленск через плодородные и нетронутые районы»{14}. Однако это не вяжется с фактическими данными о запасах провианта. 6 октября французские войска располагали продовольствием на 20 дней{15}. Этих запасов хватало для того, чтобы из Москвы дойти до Смоленска кратчайшим путем. Да и мог ли Наполеон рассчитывать на то, что русские отдадут ему запасы, а не уничтожат их, как сделали это в пограничных районах или в Москве, тем более что запас продовольствия и фуража в Калуге был невелик{16}. Нетронутых же районов между Калугой и Смоленском не было. Эта местность находилась в сфере боевых действий, подвергалась налетам французских фуражиров и дезертиров{17}. Л.Г. Бескровный не высказал по рассматриваемому вопросу определенного мнения. С одной стороны, он указывал, что, «отвергнув предложение приближенных лиц зимовать в Москве, Наполеон окончательно решил идти на Калугу, захватить калужские склады, после чего отойти на зимовку в междуречье. Окончательный план Наполеон сообщил своему министру Маре». Далее со ссылкой на труд А.И. Михайловского-Данилевского приведено «письмо» Наполеона Маре от 4(16) октября. С другой же стороны, оценивая итоги и последствия Малоярославецкого сражения, автор делает вывод: «Кутузов преградил Наполеону путь в

южные губернии и этим обрек французскую армию на отступление по разоренной дороге». По его словам, отход русской армии к Полотняному Заводу «обеспечивал возможность преградить Наполеону путь на Украину»{18}. Спрашивается, зачем надо было преграждать путь Наполеону на Украину, если он намеревался отступить в междуречье? Разнобой наблюдается до сих пор и в учебной, справочной литературе; специально же вопрос о планах Наполеона после оставления Москвы ни в дореволюционной, ни в советской историографии не изучался.

В литературе, таким образом, сосуществуют две точки зрения{19}. При этом утвердилась традиция рассматривать вопрос об отходе Наполеона из Москвы вне связи с действиями его войск на других театрах войны. Главным источником является т. н. письмо Наполеона Маре от 4(16) октября. В то же время не проанализирована оперативная переписка Наполеона за сентябрь – октябрь 1812г. и не принято во внимание мнение М.И. Кутузова по этому вопросу, известное по опубликованным документам.

В первые две недели пребывания в Москве Наполеон утверждал, что будет здесь зимовать и заставит русское правительство подписать выгодный для него мир. По его приказанию Кремль, окружавшие Москву монастыри и часть сохранившихся зданий были укреплены. Спешно создавались запасы продовольствия и фуража. «Была произведена тщательная уборка овощей, в частности капусты, на огромных огородах вокруг города. В районе двух-трех миль от города убрали также картофель и сено, сложенное в многочисленных стогах; транспорт был непрерывно занят перевозкой этих продуктов»{20}. Маршал Л.-Н. Даву писал жене 18(30) сентября: «Несмотря на пожар, мы находим огромные ресурсы для продовольствия»{21}. Вступившие в Москву русские войска обнаружили огромные запасы, которых вполне хватило бы французской армии на всю зиму{22}. Таким образом, распространенная версия, будто французская армия в Москве испытывала недостаток провианта и поэтому вынуждена была оставить город, не соответствует действительности. Наполеон шел на Калугу отнюдь не для того, чтобы «овладеть запасами русской армии». Что же заставило завоевателя покинуть Москву? На такое его решение повлияли многие факторы. И упорное нежелание русского правительства вступать в переговоры, и начавшееся разложение французской армии, и действия русских партизан и ополченцев (за пять недель войска Наполеона потеряли свыше 30 тыс. солдат и офицеров), и тревожные сообщения из Франции, где поднимала голову оппозиция, и нарастающая мощь русской армии, из Тарутина угрожавшей главной коммуникации Наполеона. В том или ином сочетании эти обстоятельства приводятся историками, когда они объясняют оставление французами Москвы. Была и еще одна, может быть, наиболее веская причина. В середине сентября активизировались русские войска, находившиеся на флангах. Отдельный корпус под командованием генерала П.Х. Витгенштейна перешел в наступление и овладел Полоцком. На Волынь прибыла Дунайская армия под командованием адмирала П.В. Чичагова. Французское командование внимательно следило за перемещением этой армии и пыталось определить ее предназначение. Командующий австрийским корпусом фельдмаршал К. Шварценберг, наступавший на Украину с северо-запада, считал, что Дунайская армия будет действовать против его войск. 12 сентября он доносил начальнику Генерального штаба французской армии маршалу Л.А. Бертье, что «положение и сейчас затруднительно, но может сделаться еще более серьезным». Донесение Шварценберга поступило в наполеоновскую ставку 24 сентября и вызвало беспокойство. Первая мысль французского императора была об измене вассалов:

«Австрийцы и пруссаки враги ,находящиеся у нас в тылу », заявил он Но особое опасение вызвало прибытие на Волынь Дунайской армии. Наполеон разгадал намерение русского командования встречным наступлением войск с севера и юга перерезать коммуникации французов, отрезать их от тылов. Бертье посоветовал императору «как можно скорее осуществить его первый проект: покинуть Москву и отойти поближе к Польше, так как это поставит преграду всяческим злым умыслам и удвоит наши силы»{23}.

С 24 сентября началась подготовка отступления. Наполеон отдал ряд приказов, отражающих его стратегический план ведения войны на новом этапе. Шварценбергу, под командованием которого находился еще и саксонский корпус генерала Ж- Ренье, Наполеон приказал удерживать занимаемые позиции и не допустить продвижения Дунайской армии на северо-восток. Два послания он направил своему тестю австрийскому императору Францу I. В первом он просил «усилить князя Шварценберга, чтобы он не уронил чести австрийского оружия». -68-

Во втором, направленном через два часа после первого, потребовал двинуть в тыл русских войск корпус генерала Г. Рейсса, стоявший в Лемберге (Львове), и направить Шварценбергу 10-тысячное пополнение. «Я сам наметил послать 3 тыс. пехоты, чтобы возместить его потери», заканчивал свое послание Наполеон .Следовательно , 30-тысячный австрийский корпус должен был получить пополнение в 13 тыс. человек. Своему «старому соратнику», как уважительно называл Наполеон маршала К.-П. Виктора, он подчинил все войска (свыше 40 тыс. солдат и офицеров), расположенные в Смоленской губ. и Южной Белоруссии. Они должны были поддерживать, в зависимости от обстановки, либо группировку Шварценберга, либо корпус маршала Г. Сен-Сира, противостоявший войскам Витгенштейна.

В тот же день, 24 сентября, французский император предписал своему посланнику в Варшаве ускорить набор рекрутов в герцогстве Варшавском, сформировать отряды польских «казаков» численностью 30-40 тыс. человек и немедленно послать их Шварценбергу. Наполеона тревожили потери саксонского корпуса Ренье. «Напишите в Саксонию, дал он указание Маре, чтобы прислали пехотинцев , кавалеристов и артиллеристов для пополнения саксонского корпуса». 15-тысячной дивизии генерала Дюрютта, расположенной под Варшавой, было приказано форсированным маршем следовать на соединение с австро-саксонскими войсками. В директиве Маре от 26 сентября Наполеон сетовал на бездействие австрийских войск в Галиции и предписывал своему министру через Шварценберга и французского посланника в Вене воздействовать на австрийское правительство. «Передайте, требовал он, что меня очень удивляет то ,что принц Рейсе не делает движения в тыл русских войск». В те же дни он просил свою супругу, дочь Франца I: «Пиши чаще своему отцу, рекомендуй ему усилить корпус Шварценберга». Заметим, что до этого с подобными просьбами Наполеон к Луизе не обращался{24}.

Итак, на западном участке своего правого фланга Наполеон, очевидно, хотел довести численность войск Шварценберга до 160 тыс. человек, ввести в действие новые австрийские войска, прежде всего 30-тысячный корпус Рейсса, комбинированным ударом с запада и юго-запада разгромить 3-ю Западную и Дунайскую армии и овладеть западными губерниями Украины. В случае необходимости группировка маршала Виктора должна была поддержать австро-польско-саксонские войска.

К. Клаузевиц и Е.В. Тарле считали, что Наполеон не имел возможности отступить

южной дорогой, потому что на Смоленской дороге у него располагались войска и он не мог их бросить. Приказы и распоряжения Наполеона конца сентября – начала октября показывают, что он стремился переместить значительные силы со своей операционной линии на юг. Так, минскому губернатору генералу Брониковскому он предписал останавливать все маршевые роты и направлять их на усиление 17-й польской дивизии генерала Я.Г. Домбровского, осаждавшей Бобруйскую крепость. Самому же Домбровскому Наполеон приказал снять осаду, повести наступление на Мозырь, где располагался русский корпус генерала Ф.Ф. Эртеля. «Вы должны отбросить Эртеля», – требовал Наполеон. Маршалу Бертье он предписал создать в Смоленске группировку в составе только что прибывшей из Франции пехотной дивизии генерала Барага д'Илье, восьми французских и польских кавалерийских полков. 8 или 9 октября эти войска должны были выступить из Смоленска и не позднее 11-го прибыть в Ельню, расположенную, как писал Наполеон, «в 22 лье от Смоленска на дороге, ведущей к Калуге». -69-

«Эта операция очень важна», – предупреждал он Бертье и тут же давал еще одно указание: «Герцог Беллуно (маршал Виктор. Б А.) отправит на дорогу, ведущую в Ельню, артиллерийские орудия и обозы, которые придут в Смоленск». Барага д'Илье получил приказ «устроить новую военную дорогу от города Ельни до города Калуги»{25}. Сохранились заметки, сделанные Наполеоном в Москве не позднее 24 сентября. В них затронуты два вопроса: условия, которым должен отвечать отход из Москвы, и направления отступления. Он рассчитывал отвести армию так, чтобы приблизиться к Франции и подвластным странам, обеспечить войска провиантом и фуражом, занять позицию, позволяющую вынудить правительство России вести переговоры о мире, и, наконец, сохранить престиж. Совершенно очевидно, что смоленско-минско-виленская дорога не отвечала второму условию: от Пюибюска Наполеон знал, что на ней не приготовлено никаких запасов. В том же документе Наполеон отметил, что «Москва больше не представляет никакого интереса», и остановился на трех возможных путях отступления. Отход в направлении на Киев он считал наиболее выгодным, но опасным, т. к. туда, по его словам, «направляется Дунайская армия». Отступление на Смоленск рассматривалось в двух вариантах: через Калугу или прямо из Москвы. Отдавая предпочтение второму, он перечислял его преимущества: «Врага нет, мы хорошо знаем дорогу и она короче на 5 маршей, на полпути мы сможем даже получить обозы из Смоленска». Однако, учтя, что «в Смоленске и Витебске очень мало запасов», Наполеон пришел к заключению, что отходить в данный район невозможно{26}. От третьего направления на Петербург позже он также отказался. Единственно реальным оставался юго-западный путь. Покидая Москву, Наполеон заявил: «Так как в подобных обстоятельствах надо остановиться на плане наименее опасном, я решился на отступление к Киеву»{27}.

Почему сложилось такое решение? Составляя заметки, Наполеон еще не знал, куда направится Дунайская армия, встречи с которой он желал избежать. В начале октября ему стало известно, что она действует против Шварценберга под Брест-Литовском. Следовательно, ни этой армии, ни других крупных русских сил на этом направлении не было. За киевское направление высказывались многие маршалы и генералы. На последнем в Москве военном совете было принято предложение Даву «сжечь Тулу и Калугу и отправиться на Украину»{28}. В случае успеха наполеоновские войска двигались бы действительно по бога-

тым, не тронутым войной районам. На их пути находились Трубчевск, Сосницы и Киев, где в начале октября хранилось около 600 тыс. четвертей провианта и фуража; в Орловской, Черниговской и других губерниях также можно было найти продовольствие{29}. Движение на Украину, кроме того, создавало видимость совершения флангового марша, что позволяло завуалировать отступление и сохранить престиж. Важно было и то, что французская армия приблизилась бы к Австрии и герцогству Варшавскому. Это заставило бы их правительства без дальнейшего промедления выставить те войска, которых требовал Наполеон. Перед выходом из Москвы он издал 25-й бюллетень, в котором объявил о своем намерении вести армию якобы на зимние квартиры в междуречье Днепра и Двины, что нельзя расценить иначе, как его новую попытку ввести русское командование в заблуждение. 6 октября основные силы французской армии выступили из Москвы, на другой день ее покинул Наполеон. «Я иду на Калугу, и горе тому, кто преградит мне путь», заявил он. По дороге к Малоярославцу была предпринята еще одна попытка обмануть русских. По распоряжению императора Бертье послал к Кутузову полковника Бертеми с письмом, датированным 8 октября. В нем начальник штаба французской армии запрашивал «окончательное решение» русского правительства относительно предложения Наполеона заключить мир. Помета на письме «г. Москва» должна была убедить Кутузова, что враг еще в столице. Кроме того, Бертеми мог удостовериться, что русская армия стоит в Тарутинском лагере. Таким образом, Наполеон предпринял усилия, чтобы скрыть свои планы, отвлечь внимание русского командования от движения своей армии на Малоярославец и далее на Украину. Инструкция Наполеона Маре от 4(16) октября, 25-й бюллетень, посылка Бертеми в русский штаб все это меры дезинформации.

Офицеры французской армии строили различные догадки. По словам офицера штаба корпуса Богарне Е. Лабома, «одни говорили, что надо идти на Украину, другие двинуться на Петербург, самые же умные повторяли, что давно надо было бы вернуться в Вильну». У него сложилось впечатление о «неуверенности в поступках» своего командования. Итальянский офицер Ц. Ложье записал в дневнике 1 октября: «Начинают уже спрашивать друг у друга, по какой дороге пойдем обратно: по той ли, по которой пришли, или двинемся на юго-запад?». Однако немецкий врач Г. Росс, следовавший с корпусом Мюрата, передает распространенный в те дни «слух, что Наполеон имеет намерение проникнуть в южные губернии, житницы России»{30}. Таким образом, несмотря на глубокую тайну, в которой Наполеон хранил свой план отступления, слух о движении на Украину, хотя и неопределенный, просочился в его войска. Примечательно, что никто из мемуаристов не вспоминает об официально объявленном намерении следовать в междуречье Днепра и Двины, очевидно, в него не верили.

М.И. Кутузов не сомневался, что «Наполеон долго в Москве не пробудет». Важно было установить, по какой дороге будет отступать его армия. Командиры частей, партизанских и ополченских отрядов доносили в главную квартиру обо всех движениях противника; путем опроса пленных и дезертиров, разведки в тылу наполеоновской армии русское командование, по словам Кутузова, «ежедневно и ежечасно» получало «достоверные сведения обо всем, в Москве происходящем»{31}.

Донесения поступали и с юго-западного театра войны. Разведчики сообщали в Главный штаб, что «от Могилева по тракту Черниговскому чинятся неприятелем мосты», что «из Старого Быхова назначено 2 тыс. войска для занятия местечка Журавичи», что «неприятель

три дивизии войск французских и польских имеют проходить через Рогачевский повет (уезд. Б А .) что в южные уезды Могилевской губ. «свезено неприятелем множество ржи, которая перемалывается в муку», что из Мстиславля готов выступить сильный отряд противника, «направляя путь свой к Чернигову». Почти каждое донесение заканчивалось словами: «Сие от офицеров французских узнано». В донесениях содержались сведения и о том, что Наполеон приказал Виктору двинуть часть своего корпуса на Украину{32}. Свои первые соображения о возможных путях отхода французов из Москвы Кутузов изложил в донесении Александру I от 22 сентября. -71-

«Показания пленных и дезертиров весьма разнообразны, писал он. Трудно теперь проникнуть намерение его (Наполеона. Б А .), показания некоторых пленных дают даже подозрение, что неприятель намерен ретироваться по Смоленской дороге». Далее Кутузов сообщал, как будет действовать в той или иной ситуации. Если Наполеон станет отступать по Смоленской дороге, русские войска «не теряя времени» двинутся «параллельно сей дороге к Юхнову», если же противник пойдет в другом направлении, то предполагалось послать ему навстречу 1-2 пехотных корпуса с артиллерией{33}. Из этого донесения ясны идеи, которыми Кутузов руководствовался до и после Малоярославецкого сражения: встречным наступлением не позволить врагу прорваться на юг, а затем преследовать его параллельным маршем. Из донесения видно, что показаниям пленных о намерении Наполеона отступить на Смоленск Кутузов не доверял.

Юго-западное направление фигурировало в показаниях пленных и дезертиров все чаще. Опрос пленных иногда проводил сам главнокомандующий. «Я вчерась говорил с одной партией пленных офицеров»{34}, писал он, например, жене 7 октября. Племянник французского военного министра Ж. Кларка заявил, что «Наполеон не намерен оставаться в Москве, а проложит себе путь силою на Украину». Бригадный генерал Ж.-П. Ожеро (брат маршала П.-Ф. Ожеро) сообщил, что усиленной дивизии Барага д Илье приказано строить военную дорогу от Ельни до Калуги{35}. Комментируя сведения Ожеро, составители журнала военных действий Главного штаба отметили, что это «ясно доказывает намерение главной французской армии по выходе из Москвы следовать на Калугу и далее и через то овладеть изобильнейшими губерниями». Так как журнал регулярно просматривался фельдмаршалом, есть основания предполагать, что данная запись отражала его мнение. Знал Кутузов и о засылке французской агентуры на Украину. 26 сентября он писал Чичагову: «По верным дошедшим до меня сведениям, отправлены французами из Москвы в Киев два шпиона»{36}. В конце сентября - начале октября Кутузов провел серию мероприятий, направленных на срыв замыслов противника. Сводный отряд под командованием генерал-майора И.С. Дорохова (5 батальонов пехоты, 4 эскадрона Елисаветградского гусарского полка, 2 казачьих донских полка и 8 орудий) получил задание овладеть Вереей и «действовать по пространству, лежащему между Гжатска и Можайска». Ему должен был помогать армейский партизанский отряд полковника И.М. Вадбольского. Партизанам капитана А. С. Фигнера было приказано действовать между Можайском и Москвою, армейскому отряду полковника Н.Д. Кудашева «дано направление на Серпуховскую дорогу, где, учинив над неприятелем поиски в стороне Подольска, обойти неприятельскую армию и соединиться с партией капитана Фигнера». В журнале военных действий Главного штаба за 25-28 сентября говорится: «Все разосланные партии, хотя и находятся в различных от армии направлениях, но не менее того составляют

между собой непрерывную связь, что удобно видеть можно, сообразя взаимное их положение. От Смоленска до Гжатска действует подполковник Давыдов, от Гжатска до Можайска генерал-майор Дорохов, а от Можайска до Москвы капитан Фигнер»{37}.

Таким образом, Кутузов поставил под наблюдение все возможные пути отхода наполеоновской армии из Москвы. От командиров отрядов -72- фельдмаршал потребовал усилить разведку, «получить через поселян достоверное известие о движении неприятельском»{38}. Циркуляром от 8 октября Кутузов оповестил Фигнера, Сеславина, Кудашева и Давыдова о результатах сражения на речке Чернишне (6 октября) и выразил уверенность в том, что Наполеон оставит Москву. Фельдмаршал приказывал усилить наблюдение за противником и в случае его приближения «все селения, фураж и всякого рода запасы предавать огню»{39}. Аналогичные предписания были посланы губернаторам Калужской, Тульской, Орловской и других губерний, прилегающих к театру военных действий. В каждом городе, селе, деревне были заготовлены горючие материалы. Одновременно укреплялась оборона северных границ Волынской, Киевской, Черниговской и Калужской губерний. От командующего 3-й Западной армией генерала А.П. Тормасова Кутузов потребовал «пребывать в Волыни и Подолии для охранения того края, наипаче Киева, от покушений неприятельских»{40}. Численность корпуса Эртеля была доведена до 20,5 тыс. человек. В его задачу входила защита Киевской и отчасти Черниговской губерний. По Днепру в Припять вошли 73 канонерские лодки Днепровской военной флотилии, имевшие на борту свыше 4 тыс. солдат. Гарнизоны Бобруйской и Киевской крепостей насчитывали более 6 тыс. человек каждый. По распоряжению фельдмаршала вдоль северной границы Черниговщины была организована т. н. кордонная цепь протяженностью 700 верст, охраняемая 60 тыс. ратников и казаков Украинского ополчения{41}. В районе Рославля украинские ополченцы взаимодействовали с калужскими. Под Рославль, через который враг мог прорваться к Брянску и Шосткинскому пороховому заводу, прибыл 5-тысячный отряд регулярных войск с 9 орудиями. На Ельню отправился 10-тысячный отряд Калужского ополчения.

На других угрожаемых направлениях Кутузов также создал превосходство в силах. 65-тысячной группировке Шварценберга противостояли войска объединенных 3-й Западной и Дунайской армий, насчитывавшие около 100 тыс. солдат и офицеров при 402 орудиях{42}; против 12-тысячной дивизии Домбровского действовал 20-тысячный корпус Эртеля; наполеоновским войскам в Южной Белоруссии противостояли отдельные отряды регулярных войск, поддерживаемые Украинским ополчением.

В начале войны русское правительство заключило с венским двором тайное соглашение, согласно которому обе стороны обязались не нарушать русско-австрийской границы, а Франц I обещал, что численность войск, действовавших против России, не будет превышать 30 тыс. человек{43}. Кутузов знал об этом соглашении и приказал ни в коем случае «не нарушать границ Австрии, хотя бы Шварценберг, убегая войск наших, и вступил бы в свои пределы». Александр I одобрил его решение{44}. Со своей стороны, венский двор также выполнил условия соглашения. Несмотря на все домогательства Наполеона, австрийское правительство не дало ему новых войск, хотя располагало армией в 150 тыс. человек, и не нарушило австро-русскую границу.

Клаузевиц ошибочно полагал, что движением французской армии на Малоярославец Кутузов «был захвачен врасплох»{45}. В действительности -73- принятые фельдмаршалом

меры дали свои результаты. О выступлении французов из Москвы Кутузов узнал при следующих обстоятельствах. 7 октября Дорохов донес дежурному генералу Главного штаба П.П. Коновницину о том, что французские войска появились под Фоминским. Это была авангардная дивизия генерала Ж.-Б. Брусье. Кутузов немедленно направил на усиление войск Дорохова два полка. 9 октября Дорохов сообщил о вступлении в Фоминское еще одной дивизии противника и, опираясь на показания пленных, высказал предположение, что «сие действие неприятеля может быть предварительным движением целой его армии на Боровск». Рапорт Дорохова поступил в Главный штаб в тот же день. Начальник штаба А.П. Ермолов предписал командующему 6-м пехотным корпусом Д.С. Дохтурову «завтра пред рассветом... выступить». «Его светлость (Кутузов. Б А.) желает, подчеркивал Ермолов, чтобы предприятие сие покрыто было непроницаемою тайною». В предписании не указывались ни маршрут, ни конечный пункт движения. Вести корпус должен был сам Ермолов{46}. Следовательно, о задачах корпуса знали только два человека Кутузов и Ермолов. Утром 10 октября 6-й корпус, усиленный кавалерийской дивизией, выступил из Тарутина. Дохтурову были подчинены армейские партизанские отряды Фигнера и Сеславина. Генерал М.А. Милорадович получил приказ атаковать французские войска на Старой Калужской дороге и тем самым отвлечь их внимание от движения войск Дохтурова на Фоминское. К вечеру войска Дохтурова прибыли в с. Аристово. Сюда же подошел отряд Дорохова. Дорохов доложил Дохтурову, что около Фоминского и за рекой Нарой «видно множество неприятельских огней», и высказал предположение, что там сосредоточены крупные силы французов. Через два часа к Дохтурову явился Сеславин и сообщил, что «неприятель вступил в Боровск и в армии (французской. Б А.) слухи носятся, что идут на Можайскую дорогу»{47}. Сеславин представил нескольких французских гвардейцев, которые на допросе показали, что в 6 верстах от Фоминского расположились главные силы французской армии и при них находится Наполеон. Одновременно из Боровска явился крестьянин, который сказал, что наблюдал движение французов; его сообщение вскоре подтвердили посланные Дороховым разъезды. Сомнений не оставалось: французская армия оставила Москву и скрытно движется на Малоярославец.

Несмотря на позднее время, Дохтуров решил известить об этом Кутузова. Посланный им дежурный офицер штаба Дорохова Д.Н. Болговский поздней ночью примчался в Главный штаб и явился к Кутузову. По воспоминаниям Болговского, Кутузов, поняв из его доклада, что Наполеон оставил Москву и отступает, произнес: «С сей минуты Россия спасена!»{48}. Оправдалось предвидение Кутузова, что «Наполеон долго в Москве не пробудет». При этом французская армия отступала в направлении, на котором фельдмаршал готовился к решительному сражению.

Утром 11 октября Милорадович сообщил ему, что наполеоновская армия переходит на Новую Калужскую дорогу. Кутузов больше не сомневался, что Наполеон стремится обойти Тарутинский лагерь, чтобы через Боровск и Малоярославец двинуться на Калугу. Главкомандующий немедленно приказал Дохтурову следовать форсированным маршем к Малоярославцу. Сюда же были направлены корпус донских казаков М.И. Платова, отряды Дорохова и Кудашева. Во второй -74- половине того же дня из Тарутина на Малоярославец выступила вся армия. В журнале военных действий Главного штаба 11 октября была сделана запись: «Неприятель, по-видимому, оставил совсем Москву, дабы отступить изобильнейшими нашими провинциями»{49}. Итак, Наполеону не удалось скрытно произвести маневр. При

получении первых же известий о движении французов на Малоярославец Главный штаб сделал вывод о намерении Наполеона прорваться в южные губернии. Заблаговременно высланные Кутузовым войска 12 октября подошли к Малоярославцу почти одновременно с передовыми частями «Большой армии».

Ход и результаты Малоярославецкого сражения обстоятельно освещены в трудах Л.Г. Бескровного, П.А. Жилина и других историков. Однако дальнейшие события этого периода войны нуждаются в некоторых уточнениях. В частности, иногда упоминают только об одном военном совете, проведенном Наполеоном в дер. Городне, причем не называют обсуждавшиеся вопросы; заслуживают большего внимания действия наполеоновских войск на русском левом фланге, нуждается в уточнении место Калуги в планах Наполеона. Мемуаристы единодушны в том, что Наполеон провел в Городне два военных совета: первый сразу после сражения, второй днем 13 октября. По словам участника похода А. де Шамбре, на первом совете Наполеон сформулировал вопрос так: «Атаковать ли нам русскую армию и силой открыть путь в южные провинции России или отступить к Смоленску, соединиться с герцогом Беллуно, прогнать Витгенштейна за Двину, Чичагова за Стырь и потом, расположившись на зимние квартиры за Днепром и Двиной, ожидать весны?». Присутствовавшие на совете Л.А. Бертье, И. Мюрат и Ж.-Б. Бессьер решительно высказались против нового сражения. Бессьер говорил: «Для подобного предприятия у армии, даже у гвардии не хватит мужества... А с каким неприятелем нам придется сражаться? Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?»{50}. С мнением Бессьера согласились другие маршалы. Выслушав их, Наполеон заявил: «Прибытие Кутузова на Калужскую дорогу совсем переменяло положение дел». Но своего решения не сообщил. Он еще надеялся на успех. Корпус И. Понятовского в это время шел в обход Малоярославца на Медынь. Вслед ему Наполеон рассчитывал двинуть всю армию. Однако и этот его замысел был сорван. Утром 13 октября 20 полков донских казаков атаковали французскую армию, вызвав страшную панику в ее рядах. Казаки отбили 11 орудий, чуть не взяли в плен Наполеона, проводившего рекогносцировку. В тот же день под Медынью потерпел жестокое поражение авангард польского корпуса. Потеряв свыше 500 человек убитыми и 5 орудий, остатки авангарда отступили. Среди пленных оказался командовавший авангардом генерал Тышкевич, у которого был обнаружен приказ Бертье собирать сведения о дорогах, ведущих на Медынь, Масальск и Ельню. Пленные показали, что корпус Понятовского имел задание «овладеть Медынью и далее прорваться по дороге на Калугу»{51}. Получив эти сведения, Кутузов в ночь на 14 октября перевел свою армию к Детчину, а затем к слободе Полотняный Завод, прикрыв Медынь.

После неудачной рекогносцировки, которая едва не стала для него последней, Наполеон созвал новый военный совет. На этот раз речь шла о путях отхода от Малоярославца. Мнения разделились: Мюрат предлагал отступить на Можайск, Даву двинуться на Юхнов и -75- Ельню. Как и в первый раз, не сообщив своего решения, Наполеон закрыл совет. По свидетельству присутствовавшего на совете военного врача при Главном штабе французской армии И. Руа, «на этом совещании все были того мнения, что состояние, в котором находилась тогда французская армия, заставляет отказаться от проектировавшегося похода на Калугу... Только один Наполеон держался тогда противоположного взгляда; он хотел продолжать свое движение к югу»{52}. Очевидно, не зная еще о поражении

Понятовского и о переходе русской армии ближе к Медынской дороге, Наполеон по-прежнему намеревался прорываться через Калугу. Утром 14 октября он выехал из Гйродни к Малоярославцу. На полпути ему стало известно о приближении русской армии к Детчину. Тогда император отдал приказ отходить по Смоленской дороге.

Наполеоновские войска, расположенные в Могилевской и Смоленской губерниях, в середине октября также вели наступление в южном направлении. 12 октября 7-тысячный отряд французов, выступивший из Мстиславля, овладел Чечерском и продолжал двигаться на юг. Одновременно из Рогачева на Пропойск наступали четыре полка польской кавалерии и два батальона немецкой пехоты{53}. Крупный отряд двигался по тракту Могилев – Чернигов. Сообщая Кутузову о наступлении противника на Черниговскую губ., генерал-губернатор Малороссии Я. И. Лобанов-Ростовский просил войск. В рапорте Кутузову от 14 октября Эртель предложил «идти в Малороссию, чтобы вытеснить из оной грабителей»{54}. Главнокомандующий отказал обоим, так как не хотел дробить свою армию и полагался на силу Украинского ополчения.

Под Пропойск, Чечерск и в другие угрожаемые места были направлены дополнительные ополченские силы. Совместно с частями Эртеля они остановили противника, а затем перешли в наступление. Ожесточенные бои шли в районе Рославля. Французы пытались здесь наступать на Брянск – Калугу. Выше говорилось о задачах усиленной дивизии Барага д Илье. 10 октября из Фоминского Наполеон приказал Виктору двинуть пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду в Ельню, «а оттуда для соединения с главной армией на Калугу»{55}. Часть этих войск сосредоточилась в Ельне, их передовые отряды выступили на Рославль, однако были остановлены силами Калужского и Черниговского ополчений.

Взаимодействие между этими ополчениями установилось еще во время сентябрьских боев за Рославль и Брянск. В октябре они не дали французам захватить Черниговскую и Калужскую губернии. Опасаясь, что противник займет Рославль, начальник Калужского ополчения генерал В.Ф. Шепелев просил начальника Черниговско-Полтавского ополчения генерала Н. В. Гудовича «выслать в оный два полка казачьих и четыре батальона пехоты» и тем самым «города Брянск и Рославль останутся в целости, и не воспользуется голодный неприятель запасным фуражом». Гудович немедленно выслал в Рославль и под Брянск сильный отряд ратников и казаков и приказал «от стороны Хотимска и других прилегаемых мест к повету Мглинскому и части Суражского» усилить защиту, «сведя оную с других мест»{56}. По прибытии отряда Украинского ополчения калужские ратники перешли в наступление. 14 октября отряд генерала В. М. Яшвиля атаковал французов (1200 человек), выступивших из Ельни, и, по словам Шепелева, «прокинул оных мгновенно, гнал в беспорядке бегущих к городу». Действия калужских ополченцев, украинских ратников и казаков сорвали задуманное Наполеоном наступление из Ельни на Калугу. Позже Калужское ополчение и партизанские отряды Давыдова, Орлова-Денисова, Сеславина и Фигнера полностью ликвидировали ельнинскую группировку{57}.

Сосредоточение французских войск вблизи Черниговской и Калужской губерний и одновременное их наступление в середине октября на Пропойск, Чечерск и Рославль не было случайным. По времени оно совпадало со сражением под Малоярославцем. Это дает основание считать, что из Смоленской и Могилевской губерний наносились вспомогательные удары, главным же силам наполеоновской армии ставилась задача овладеть Калугой и идти в южные губернии. Калуга явно была не конечным, а сборным пунктом наполеоновской армии.

Именно так и думали современники. 27 октября Ростопчин сообщал министру полиции С.К. Вязмитинову, что, по его мнению, «намерение Наполеона было идти через Калугу на Киев, и для того в первой из сих городов приказано было сходиться всем отрядам». В этом же смысле многие участники войны оценивали сражение под Малоярославцем. 23 октября 1812 г. Ф.Н. Глинка образно писал: «Вся армия... заслонила собою врата Малороссии»{58}. В 1816 г., находясь на о. Св. Елены, Наполеон говорил: «Я хотел двинуться из Москвы в Петербург или же вернуться по юго-западному пути; я никогда не думал выбирать для этой цели дороги на Смоленск и Вильну»{59}. Если до выступления из Москвы в французской армии циркулировали разнообразные слухи о путях отхода, то после Малоярославецкого сражения картина изменилась. Теперь все участники похода были убеждены, что они шли на Украину. Лабом писал: «Все опытные военные поняли, что русские разгадали план Наполеона... С этих пор всякий разговор о Калуге и Украине прекратился». Пюибюск 18 октября сообщал из Смоленска своему другу: «Мы потеряли всю возможность взять направление на Калугу и южные губернии, где бы могли найти изобилие и нетронутые места, удобные для отступления». 15 января 1813 г. Ложье риторически вопрошал: «Почему не воспользовались победой итальянцев при Малоярославце 24 октября (н. ст. Б.А.) и отступили, вместо того, чтобы идти на Украину?»{60}. Таким образом, представители двух противоборствующих армий единодушны в оценке исторического значения Малоярославецкого сражения. По выражению Кутузова, «Малоярославец предел нападения, начала бегства и гибели врагов»{61}.

В литературе высказывались предположения, что Кутузов «не хуже Клаузевица и самого Наполеона понимал, что в конечном счете едва ли французская армия могла вовсе отказаться от «подготовленной» дороги и от смоленских продовольственных запасов». Указывалось, что якобы, по мнению русского полководца, «единственным реальным путем для отхода французов является Смоленский тракт»{62}. Никаких источников в подтверждение не приводилось. Между тем Кутузов во многих документах высказал свое мнение о планах отхода Наполеона из Москвы. Впервые он докладывал царю о замыслах Наполеона - 77- 13 октября: «Неприятель кажется совсем оставил уже Москву и с намерением отступить изобильными нашими провинциями потянулся всеми своими силами по Новой Калугской дороге к Боровску. При всех хитрых и свойственных ему движениях намерение его было предупреждено»{63}. Понятна осторожность, с какой Кутузов оценивал действия Наполеона: фельдмаршал не располагал в то время полными данными. По той же причине неконкретно названа и конечная цель движения французской армии: под «изобильными провинциями» можно подразумевать любые южные губернии России. Но уже 28 октября в письме сенатору Д.П. Трошинскому Кутузов перечислил губернии, которые он имел в виду, и одновременно снова отметил, что Калуга являлась лишь промежуточным пунктом движения французской армии: «Наполеон с изнуренным своим войском искал прорваться через Калугу в защищаемые столь горячо мною губернии, как-то: Тульскую, Орловскую, Полтавскую и Черниговскую».

Последующие донесения Кутузова показывают, что с каждым днем он все больше убеждался в правоте своего первоначального вывода о планах Наполеона. «С самой той минуты, писал он царю 7 ноября, как неприятель после разбития 6-го числа прошедшего месяца решил оставить Москву, должно было прежде думать закрыть коммуникации наши с Калугою и воспрепятствовать ему вход в оную, чрез которую намерен он был пройти в

Орловскую губернию и потом в Малороссию, дабы не терпеть тех недостатков, каковые довели теперь его армию до такового бедственного состояния. Что он имел сие намерение, подтвердили мне многие из пленных генералов, почему и должно было заставить его идти по Смоленской дороге, на которой (как нам известно было) он не приготовлял никакого пропитания». Далее Кутузов пояснял сущность своего движения через Медынь к Боровску: оно было вызвано необходимостью прикрыть опять-таки южное направление» {64}.

Из этого донесения следует, что Кутузов заранее учитывал возможность движения наполеоновской армии на юг и соответствующим образом к этому подготовился. Действия русских войск под Малоярославцем лучшее тому подтверждение. Разобраться в обстановке и уяснить планы Наполеона Кутузову помогли, конечно, показания пленных французских генералов, но эти показания лишь подтвердили его выводы, сделанные на основе других данных. Нет причин считать, что он представлял себе образ действий и планы Наполеона иначе, в ложном свете. Вопреки распространенному в литературе мнению, Кутузов точно знал, что крупных баз снабжения у Наполеона на Смоленской дороге не было. В декабре 1812 г. Кутузов представил Александру I рапорт, в котором дал военно-стратегический обзор кампании со дня отступления армии в Тарутинский лагерь до изгнания вражеских войск из России. Касаясь замыслов Наполеона после выступления из Москвы, он писал, что тот имел в виду «Боровскою дорогою пройти в Калугу, и если бы удалось ему разбить нас при Малом Ярославце, опрокинув нас за Оку, расположиться в богатейших губерниях наших на зимовые квартиры». Так как раньше фельдмаршал уже называл украинские губернии, ясно, что и теперь речь шла именно о них. 9 февраля 1813 г., оценивая результаты Малоярославецкого сражения, Кутузов писал, что, «опасаясь всегда» движения наполеоновской армии по Боровской дороге, он заблаговременно выслал корпус Дохтурова «к стороне села Фоминского». День 12 октября 1812 г. он назвал одним из «знаменитейших в сию кровопролитную войну, ибо потерянное сражение при -78- Малоярославце повлекло бы за собой пагубнейшее следствие и открыло бы путь неприятелю через хлебороднейшие наши провинции» {65}. Разгадав замысел французского командования, Кутузов уже с 28 октября 1812 г. с уверенностью утверждал, что Наполеон преследует цель прорваться в украинские губернии, перезимовать там, усилить свою армию, а весной 1813 г. возобновить военные действия.

Анализ разнообразных источников, прежде всего оперативной переписки как Наполеона, так и Кутузова, а также действия французских и русских войск в середине октября 1812 г. убедительно свидетельствуют о том, что в боях за Малоярославец русская армия решила не тактическую (защита Калуги, как считают многие историки), а крупную стратегическую задачу – сорвала план прорыва французских войск на Украину и заставила врага отступать по разоренной им Старой Смоленской дороге. Дальновидность Кутузова как полководца и проявилась в том, что по движению французских войск к Малоярославцу он понял скрытую цель Наполеона, а разгадав его стратегический план, твердо и последовательно проводил мероприятия, приведшие к полному краху замыслов неприятеля.

Примечания:

- {1} Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.28, с.487.
- {2} Русский архив, 1908, кн.2, с.271.
- {3} Русская старина, 1909, ноябрь, с.361-362.
- {4} Безобразов А.М. Краткое обозрение знаменитого похода российских войск против французов 1812 г. СПб. 1813, с.28.
- {5} Тихонов Я. Поражение французов на Севере. М. 1814, с.258.
- {6} Ахшарумов Д.И. Описание войны 1812 г. СПб. 1819, с.204.
- {7} Жомини Г. Политическая и военная жизнь Наполеона. Ч.5. СПб. 1840, гл.18
- {8} Fain A. Manuscrit. Т.2. P.1827, p.157.
- {9} Correspondence de Napoleon 1-er. Т.24. P.1868, pp.265-266.
- {10} Клаузевиц К. 1812 год. М. 1937, с.120.
- {11} Пюибюск Л.Г. Письма о войне 1812 г. М. 1833. с.49.
- {12} М.И. Кутузов. Сб. док. и м-лов. Т.4, ч.2. М. 1955, с.321.
- {13} Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 г. Ч.4. СПб. 1839, с.238; Михневич Н.П. Отечественная война 1812 г. СПб. 1912, с.20-21; Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию в 1812 г. М. 1938, с.220-221.
- {14} Жилин П.А. Контрнаступление русской армии в 1812 г. М. 1953, с.178; его же. Гибель наполеоновской армии. М. 1974, с.272.
- {15} Montholon Ch. Memoires. P. 1823, p.213.
- {16} См. М.И. Кутузов. Т.4, ч.2, с.64-67.
- {17} Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сб. док. М. 1962, с.144-151.
- {18} Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М. 1962, с.504, 512, 516.
- {19} Так, С.Б. Окунь считал, что «французская армия двигалась по Калужской дороге для того, чтобы через Калугу прорваться обратно к Смоленску. Именно к Смоленску, где имелись запасы, где должны были быть сконцентрированы огромные продовольственные магазины, мог следовать Наполеон, оставляя Москву. Движение к югу было бы столь же бессмысленным, как дальнейшее пребывание в Москве» (Окунь С.Б. История СССР. Лекции. Ч.2. 1812-1825 гг. Л. 1978, с.44; см. также: Жилин П.А. Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. М. 1978, с.228). В других столь же авторитетных изданиях утверждается: «Оставив Москву, Наполеон сделал попытку прорваться на относительно обеспеченную продовольствием Калужскую дорогу и даже при благоприятных условиях занять плодородные поля Украины» (История СССР. Под ред. В. В. Мавродина. Ч.1. Изд. 4-е. М. 1979, с.505; см. также: История Украинской ССР. Т.4. Киев. 1983, с.57).
- {20} Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М. 1943, с.155, 158.
- {21} Цит. по. Отечественная война и русское общество. Т.4. М. 1912, с.181.
- {22} Русский архив, 1866, с.699.
- {23} Коленкур А. Ук. соч., с.173-174.

- {24} Correspondance de Napoleon 1-er. Т.24, pp.214, 225, 226, 250, 251, 253, 257, 260, 270.
- {25} Ibid., pp.225-226, 269, 270.
- {26} Ibid., pp.235-236.
- {27} Цит. по: Жомини Г. Ук. соч., с.370.
- {28} Исторический вестник, 1900, июль, с.231.
- {29} См., напр.: Труды Черниговской архивной комиссии. Чернигов. 1913, вып. 10, с.129.
- {30} Росс Г. С Наполеоном в Россию. СПб. 1912, с.78; Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М. 1912, с.200; Васютинский А. и др Французы в России. Ч.2. М. 1912, с.77-78.
- {31} М.И. Кутузов. Т.4, ч.1. М. 1954, с.313, 473.
- {32} ЦГВИА СССР, ф.ВУА, д.3518, ч.1, лл.505-505об.; д.3609, лл.416, 419; ф.49 оп.211, св.16, д.280, лл.14-15.
- {33} М.И. Кутузов. Т.4, ч.1, с.354.
- {34} Там же, ч.2, с.22.
- {35} Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. СПб, 1882, с.208; Из боевого прошлого русской армии. Сб. док. М. 1947, с.183.
- {36} М.И. Кутузов. Т.4, ч.1, с.386; ч.2, с.248.
- {37} Там же. Т.4, ч.1, с.400.
- {38} Там же, ч.2, с.8.
- {39} Там же, ч.2, с.37-38.
- {40} Там же, ч.1, с.245.
- {41} ЦГВИА СССР, ф.474, д.37, л.1; д.45, л.14; Народное ополчение, с.432-433
- {42} ЦГВИА СССР, ф.14414, оп.291 (Па), св.281, д.8, ч.3, л.9-10.
- {43} Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т.6. М. 1962, с.449-501.
- {44} М.И. Кутузов. Т.4, ч.2, с.455, 505.
- {45} Клаузевиц К. Ук. соч., с.181.
- {46} М.И. Кутузов. Т.4, ч.2, с.33-34, 129, 57-58.
- {47} ЦГВИА СССР, ф.ВУА, д.3503, л.22.
- {48} Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып.1. Вильно. 1900, с.242-243.
- {49} М.И. Кутузов. Т.4, ч.2, с.83, 85-86, 131.
- {50} Сегюр Ф.П. Поход в Москву в 1812 г. М. 1911, с.99.
- {51} ЦГВИА СССР, ф.ВУА, д.3509, лл.167 -168.
- {52} Руа И. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в

России. СПб. 1912, с.59.

{53} ЦГВИА СССР, ф.474, д.45, лл.12, 14.

{54} Там же, ф.ВУА, д.3518, ч.2, л.22.

{55} Correspondance de Napoleon 1-er. Т.24, pp.282-283.

{56} ЦГВИА СССР, ф.ВУА, д.3518, ч.2, лл.13-15.

{57} Народное ополчение, с.154-155; М. И. Кутузов. Т.4, ч.2, с.247-248.

{58} Ново-найденные бумаги гр. Ф. В. Ростопчина. Русский архив, 1881, т.3, с.224; Глинка Ф. Письма русского офицера о военных происшествиях 1812 года. СПб. 1821, с.154.

{59} Цит. по: Отечественная война и русское общество. Т.3. М. 1912, с.31.

{60} Васютинский А. и др. Ук. соч., с.152-153; Пюибюск Л. Ук. соч., с.102-103; Ложье Ц. Ук. соч., с.367. Упомянув о «победе итальянцев», автор имел в виду, что они первыми ворвались в город.

{61} ОР ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ф.133, д.16, л.138.

{62} Тарле Е.В. 1812 год. М. 1959, с.658; Бескровный Л. Г. Ук. соч., с.523.

{63} М.И. Кутузов. Т.4, ч.2. с.97. Ср. его рапорт Александру I от 20 октября: «Неприятельское стремление было обойти меня и пройти к Калуге, дабы тем ворваться в изобильные кашы провинции» (там же, с.175).

{64} Там же, с. 226, 320-321.

{65} Там же, с. 555, 109-110.